

О. К. Ирисханова

ИГРЫ ФОКУСА

В ЯЗЫКЕ

Семантика, синтаксис

и прагматика дефокусирования

STUDIA PHILOLOGICA

УДК 80/81
ББК 81
И 80

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор,
зав. отделом теоретического и прикладного языкознания
Института языкознания РАН,
зам. Директора Института языкознания РАН *В. З. Демьянков*
Доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой английского языкознания Филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова *О. В. Александрова*

Ирисханова О. К.

И 80 **Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования** — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 320 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0678-6

В книге рассматриваются сдвиги фокуса внимания, лежащие в основе построения языковых значений. Показано, что распределение фокуса в языке в целом следует общим законам зрительного и слухового восприятия объектов, но в значительной мере зависит от условностей «языковой игры». Показано, что особую роль приобретает дефокусирование — способность с помощью языковых средств понижать степень выделенности тех или иных свойств объектов. На материале русского и английского языков описываются универсальные механизмы дефокусирования, которые проявляются в лексической семантике, синтаксисе и прагматике. Анализируются разнообразные языковые явления — от абстрактных имен и непрямых наименований до речевых актов уклонения и нарративных текстов.

The research offers a cognitive-functional study of focus shifts underlying linguistic meaning construction. It is assumed that although focus shifting in linguistic expressions follows the universal principles of visual and auditory perception, it is entrenched in the language and depends on the rules of the «language game». The importance of defocusing as the ability to background some aspects of events or objects is highlighted in the research. The author examines defocusing in the Russian and English languages and argues that this process is a key meeting point of semantics, syntax and pragmatics. The arguments are illustrated by a variety of linguistic phenomena: from abstract nouns and indirect names to evasive speech acts and narratives.

ББК 81

*В оформлении переплета использована
картина А. Григорьева «Движение» (1969)*

ISBN 978-5-9551-0678-6

© Издательство «Языки славянской культуры», 2014
© Ирисханова О. К., 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Взаимодействие фокусирования и дефокусирования в языке: к постановке проблемы	11
--	----

Глава I

Проблемы распределения внимания в когнитивных науках

1.1. Когнитивная психология	17
1.2. Когнитивная лингвистика	24
1.2.1. Конструирование мира	25
1.2.2. Выделенность	29
1.2.3. Фигура и фон	33
1.2.4. База, профиль, домен	39
1.2.5. Траектор и ориентир	42
1.2.6. Бинарность оппозиций «фигура – фон» vs. иерархия выделенности	46
1.2.7. Перспективизация как прагматический аспект распределения внимания	50
Выводы	58

Глава II

Дефокусирование в семантике лексических единиц

2.1. Понятие и общие свойства дефокусирования	64
2.2. Дефокусирование в формате лексем и устойчивых словосочетаний	71
2.2.1. Абстрактное и конкретное в языке. Дефокусирование в абстрактных наименованиях категорий	73

2.2.2. Дефокусирование и семантическая диффузность лексических единиц	98
2.2.3. Сдвиги фокуса в комплексных лексических единицах . . .	135
2.2.4. Непрямая номинация: Шекспир, Гвинет Пэлтроу, Эйнштейн и другие знаменитости	144
2.2.5. Непрямая номинация: лексические эвфемизмы	164
Выводы	173

Глава III

Дефокусирование в синтаксисе

3.1. Синтаксические аспекты распределения внимания: от коммуникативного синтаксиса к когнитологии	177
3.2. Грамматикализация как разновидность дефокусирования	214
3.3. Прагматикализация синтаксических конструкций как разновидность дефокусирования	225
Выводы	243

Глава IV

Дефокусирование в дискурсе

4.1. Дискурс как взаимодействие аддитивных и неаддитивных стратегий	245
4.2. Дефокусирование в речевых актах: стратегия уклонения	260
4.3. Распределение фокуса в нарративных художественных текстах: рассказ Дж. Апдайк «Daughter, Last Glimpses of»	277
Выводы	292
Заключение	294
Литература	300

Глава I

ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВНИМАНИЯ В КОГНИТИВНЫХ НАУКАХ

Лучший способ запомнить что-нибудь – постараться это забыть.

(М. де Монтень)

Забывание чистит авгиевы конюшни памяти.

(В. Гжегорчик)

1.1. Когнитивная психология

Проблемы фокусирования традиционно исследуются в связи с явлениями распределения внимания, памяти и селективного восприятия, которые были подробно описаны в психологии, а позднее – в других когнитивных науках. В когнитивной лингвистике именно распределение внимания легло в основу анализа многих языковых фактов, получивших объяснение в терминах селективного конструирования, профилирования, фигуры и фона и пр.

Когнитивная психология в результате полученных экспериментальных данных не только уточнила понятие внимания и выявила важнейшие свойства аттенциональных процессов, но и выдвинула ряд положений, которые впоследствии стали отправной точкой для лингвокогнитивных исследований семантики и функционирования языковых единиц.

В целом, говоря о феномене внимания в психологии, следует отметить, что это явление исследуется с XIX века, хотя получило отражение в более ранних философских трудах – у Аристотеля, Августина, Декарта, Лейбница и др³. Аттенциональные сдвиги изучались в рамках экспериментальной психологии, а позднее – в теории обработки информации и когнитивной психологии, также тяготеющих к экспериментальным методам исследования⁴.

Вне зависимости от того, как определяется внимание – как «концентрация мысленных усилий на сенсорных и мысленных событи-

³ Декарт, например, различал пассивное и активное внимание; Августин полагал, что внимание – это «усилие души» (см. в [Hejden 1998]).

⁴ См. подробные обзоры в [Anderson 2000; Солсо 1996].

ях» у Р. Солсо, или как распределение когнитивных ресурсов для обработки информации у Дж. Андерсона, или как «фокус сознания» у У. Чейфа [Chafe 1994: 26–30]⁵, – за каждым из них стоит идея об избирательном характере восприятия, обработки и хранения информации, т. е. о том, что в ходе решения проблемы мы сознательно направляем внимание на одни признаки или объекты больше, чем на другие. При этом решающую роль играет фокусирование (фокализация), понимаемое в психологии как концентрация сознания для отвлечения от некоторых вещей и создания эффекта выделенности.

Замечу, однако, что, несмотря на то что фокусирование как осознанное выделение чего-либо рассматривается в качестве центрального звена аттенциональных сдвигов⁶, единого мнения относительно осознанности/неосознанности внимания в целом в когнитивной науке пока не существует. Так, Дж. Брунер полагает, что внимание является бессознательным процессом [Bruner et al. 1967], в отличие от У. Джеймса, который пишет о том, что внимание частично подвергается сознательному контролю [James 1890/1950].

Кроме того, если первоначально психологи исходили из единообразия аттенциональных процессов, то сейчас исследователи все чаще подчеркивают их разнородность и связь с памятью (хранением и восстановлением информации), сознанием и осознанностью, личной мотивацией человека.

Неоднородность внимания рассматривается в двух планах – с точки зрения существования параллельно действующих систем обработки информации и с точки зрения вовлеченности в аттенциональные сдвиги как механизмов усиления (фокусирования), так и подавления («затемнения»).

Относительно первого аспекта отмечается, что когнитивная деятельность человека, включая перцепцию, моторику, центральные мыслительные процессы, обслуживается разными системами обработки информации, которые действуют параллельно друг другу. Параллелизм процессов обработки данных предполагает распределение когнитивных усилий между аудиальным и визуальным вниманием, между вниманием, направленным на перцепцию поступающего извне сигнала, и вниманием, нацеленным на выработку реакции на этот сигнал. Следовательно, внимание может рассматриваться как

⁵ См. также [Bruner et al. 1967; Найссер 1981].

⁶ В некоторых исследованиях внимание и фокусирование фактически отождествляются: «Внимание соответствует наведению фокуса на определенную область визуальной сцены» [Houdé 2003: 28].

процесс, а точнее, процессы, в ходе которых происходит активация разных систем для избирательной обработки конкурирующих друг с другом сигналов [Anderson 2000: 103].

Однако, как показали многие экспериментальные исследования по зрительному и аудиальному восприятию (в частности, Д. Бродбента), данные системы обладает ограниченной пропускной способностью⁷.

В силу ограниченности когнитивных возможностей человека в каждой из перечисленных выше систем существует так называемое узкое место (*bottleneck*): в определенный момент мы должны сосредоточиться на одном стимуле и игнорировать все остальные.

Отсюда следует второе проявление неоднородности и комплексности внимания: аттенциональные сдвиги и, шире, познание в целом зависят от способности человека *с о в м е щ а т ь* два противоположенных умения – концентрироваться на одних объектах и «убирать в тень» другие. Соответственно, в современной когнитивной психологии внимание описывается как совокупность различных когнитивных действий с ментальными репрезентациями, включающих интенсификацию (усиление), с одной стороны, и затемнение (подавление, запрещение) – с другой.

Подобная селекция необходима, так как «способность фокусироваться на одном сообщении и затормаживать обработку другого сообщения является важным свойством человека: оно позволяет нам обрабатывать ограниченное количество информации и не перегружать механизм обработки» [Солсо 1996: 116].

Кроме того, сочетание двух противоположенных механизмов позволяет нам, фокусируясь на отдельных свойствах объекта, синтезировать его в целостный образ, а также сканировать (смещать фокус) как в пределах реальных, так и воображаемых предметов и событий, не теряя связи между разными объектами и ситуациями⁸ [Anderson 2000: 91]. Иными словами, если введение в фокус собирает объект в единое целое, то выведение из фокуса позволяет выделить его на фоне других объектов, подобно тому как это делает художник, оттеняя важную деталь картины.

С селективной направленностью внимания связан еще один важный вопрос, поставленный в когнитивной психологии: поскольку

⁷ Например, У. Найссер и Р. Беклен отмечают следующее: «Процесс внимания может быть организован так, что когда отслеживается конкретный структурированный поток информации или создается конкретная репрезентация, наблюдатель не может отслеживать или встраивать другой, не связанный с этим поток» [Neisser, Becklen 1975: 493].

⁸ Ср. с понятием ментального сканирования в работах Л. Тэлми.

в повседневной деятельности человек сталкивается с целым множеством стимулов, поступающих более или менее одновременно, то чем, кроме ограниченной «пропускной способности канала», обусловлен выбор объекта внимания? Психологические исследования позволили установить, что направление внимания может определяться как экзогенными, так и эндогенными факторами. В первом случае сдвиг фокусирования обусловлен неожиданным появлением в периферийной зоне внешнего объекта-стимула (громкого звука, яркой картинки, необычного словоупотребления), во втором случае этот сдвиг может быть вызван личными переживаниями реципиента или его внутренней установкой на принятие некоего стратегического решения [Houdé 2003].

В то же время отмечается, что благодаря относительной устойчивости внимания человек способен воспринимать нужный объект как перцептивно выделенный даже при появлении рядом с ним отвлекающих объектов [LaBerge 1995]. Отсюда следует, что мы можем управлять вниманием, исходя из собственных интересов и личного опыта [Солсо 1996: 111]. Интересно, что такая возможность выбора, как полагают некоторые когнитивные психологи, свидетельствует о существовании «центрального механизма» («контролирующего органа»), обеспечивающего гибкость процессам распределения внимания [Kahneman, Tversky 2002; Baddeley 1998; Norman, Rumelhart 1975; Shallice 1988]. Одной из задач этого «координатора» является запуск процессов подавления, отвечающих за устойчивость к «помехам» и быструю смену объекта внимания и одновременно позволяющих блокировать привычные схемы поведения, неэффективные при решении новых задач, а также быстро настраиваться на периферийную цель.

Постоянные изменения во внутренних и внешних условиях распределения внимания требуют от человека не только быстрой смены фокуса, не только частичного контроля за механизмами фокусирования и подавления, т. е. сочетания автоматической и управляемой обработки информации, но и возможности удерживать в поле зрения, оставлять доступными для сознания периферические признаки объекта, кажущиеся нерелевантными на какой-то момент деятельности [Солсо 1996: 135].

Таким образом, в исследованиях по когнитивной психологии аттенциональные процессы, объединяющие фокусирование и подавление фокуса внимания, предстают как сложное многомерное явление, связанное не только с естественной ограниченностью восприятия и кратковременной памятью, не зависящей от воли человека, но и со

способностью осознанно управлять вниманием, исходя из фоновых знаний, личного опыта, целей и характера решаемой проблемы.

По-видимому, именно с этим связано принятое в современной когнитивной психологии разграничение пассивного, сенсорного (bottom-up) внимания и активного, целенаправленного (top-down) внимания. Подтверждением этому служат исследования М. Познера, Р. Шиффрина, У. Шнайдера, А. Трейсмана и некоторых других психологов, показавших, что внимание опирается на два типа процессов – автоматическую параллельную обработку информации и контролируруемую последовательную обработку, определяемую стратегическими целями [Posner 1988; Shiffrin 1997; Treisman 1960; 1964]. Интересно, что если объект имеет сложную структуру, т. е. характеризуется комбинацией нескольких разнородных свойств, то сенсорное обнаружение этого объекта, по мнению исследователей, становится контролируемым. Внимание в данном случае служит для временной фиксации данной комбинации и для сохранения связного ментального образа объекта.

Мысль о сочетании автоматизма и контролируемости при распределении внимания представляется важной для исследования механизма дефокусирования в языке, так как позволяет с психологической точки зрения обосновать как широкую, так и узкую трактовку данного явления применительно к фактам языка (см. 2.1).

Обобщая психологические исследования, следует отметить, что в большинстве случаев проблемы распределения внимания изучались и продолжают изучаться экспериментально на уровне относительно простых перцептивных реакций испытуемых на аудио- и видеостимулы (картинки, предметы, фрагменты фильма, шумы, отдельно произносимые слова и предложения)⁹. Задача психологов, исследующих главным образом перцептивное восприятие (слуховое и визуальное), сводится к тому, чтобы экспериментально установить связь сдвигов внимания с сознанием, памятью, нейрофизиологической активностью различных зон мозга, а также выявить, на каком этапе обнаружения и интерпретации сенсорных сигналов происходит отсечение нерелевантных сигналов.

В частности, на основе анализа экспериментальных данных в психологии было предложено несколько моделей избирательного внимания. Не вдаваясь в подробности, упомяну наиболее известные из них:

---

⁹ См. известные эксперименты с наложением слуховых сигналов, направляемых одновременно в правое и левое ухо испытуемого, или с совмещением разных картинок в одну [Treisman 1960; 1964; Treisman, Geffen 1980; Neisser, Becklen 1975].

– модель ранней фильтрации импульсов на этапе первичной сенсорной регистрации (Д. Бродбент);

– модель частичного подавления сигнала Трейсман, согласно которой «ненужная» часть информации не подавляется полностью, а лишь временно «затемняется»; при этом на более позднем этапе восприятия информации действует «делитель» (перцептивный фильтр), принимающий решение о том, что необходимо;

– модель поздней селекции Дойча и Дойча (Нормана), согласно которой параллельному перцептивному анализу подвергается вся информация, которая сравнивается с прошлым опытом, и только после этого, при разработке ответной реакции, запускается фильтрация;

– модель Джонстона и др., согласно которой отбор информации происходит настолько рано, насколько это требуется для решения конкретной задачи (см. подробно [Солсо 1996: 120–130; Anderson 2000]).

В целом, при всей сложности и многоплановости постановки проблем внимания нельзя не заметить, что большинство проводимых психологических экспериментов предполагают лишь анализ непосредственных нейробиологических реакций испытуемых и нацелены, главным образом, на исследование внимания в пределах остенсивных (перцептивных) модусов обработки информации, связанных во многом со зрительной ориентацией человека в пространстве.

Однако, несмотря на исключительно психологический характер установок, материала и целей большинства из цитируемых выше когнитивных работ, их роль для изучения языковых явлений нельзя недооценивать, так как именно благодаря им удалось выявить целый ряд факторов, значимых для лингвистических исследований распределения внимания в языке.

Поскольку лексические и семантические репрезентации, наряду с сенсомоторными репрезентациями (аудиальными, визуальными, слуховыми, вкусовыми, тактильными, обонятельными), рассматриваются как составляющие общего полимодального образа, возникающего в сознании человека в ходе идентификации объекта, то многие эксперименты в качестве внешних раздражителей включают слова и фразы – т. е. языковые единицы. Более того, когнитивные психологи изначально исходили из положения о том, что селективное внимание не ограничено зрительным и слуховым восприятием. Его признаки и механизмы свойственны другим когнитивным системам – а значит, и языку [Broadbent 1958]. Как следствие, многие выводы, полученные в результате сугубо «технических» визуальных или аудиальных психологических экспериментов, не могли не коснуться лингвисти-

ческих аспектов восприятия и распределения внимания. Эти выводы касаются как общих, так и частных аспектов взаимодействия языка и механизмов внимания.

В более общем плане роль языка в процессах восприятия, обработки и хранения информации изучалась в работах Э. Пайвио, который пришел к выводу о существовании двух взаимосвязанных кодов – вербальных и визуальных репрезентаций [Anderson 2000: 106]. Дальнейшее развитие эти идеи получили в экспериментах Дж. Санты, который показал, что визуальная информация хранится в памяти, следуя, главным образом, расположению объектов в пространстве, а информация, полученная вербальным путем, – в линейном порядке. При этом в обработке этих видов информации задействуются разные участки мозга [Santa 1977]. В то же время известно, что вербальные описания могут стимулировать человека к построению сложнейших пространственных когнитивных карт [Anderson 2000: 111, 130]. Последний факт свидетельствует о том, что языковые единицы способны соединять в единое целое обработку образно-визуальной и вербальной информации.

В более частном плане в ряде экспериментов установлено, что при выборе цели для фокусирования мы руководствуемся не только физическими характеристиками объекта (громкостью, яркостью и др.), но и семантическими свойствами соответствующего вербального сигнала. Более того, как установила А. Трейсмэн, «слова, очень важные и существенные для человека, могут извлекаться, несмотря на низкое отношение сигнал/шум, если порог их обнаружения временно или постоянно понижен внутри самой системы опознавания слов» [Солсо 1996: 14]. Эти данные подтверждают тот факт, что каналный фильтр только ослабляет нерелевантные сообщения, но не блокирует их полностью. Иными словами, периферические (внефокусные) признаки не подавляются полностью, а могут на какое-то краткое время оставаться доступными для сознания (см. понятия «эхоического хранения» для слуховых сигналов и «иконической памяти» для зрительного восприятия у У. Нейссера [Anderson 2000: 84])¹⁰.

Для понимания взаимодействия механизмов языкового фокусирования и дефокусирования важны также исследования по психологии изучения иностранных языков, в которых анализируются операции контроля за обработкой информации, непосредственно связанные с распределением внимания и отвечающие за разграничение релеван-

¹⁰ См. также описание подобных экспериментов в [Gluckberg, Cowan 1970].

тной и нерелевантной информации, – такие как восприимчивость (alertness), ориентация, обнаружение, мотивация и др.

Итак, психологические исследования аттенциональности подготовили почву для лингвистических исследований – особенно тех, в которых языковые явления описываются с учетом общих когнитивных способностей и механизмов перцепции, памяти и распределения внимания. Как будет показано ниже, многие теоретические установки, понятия и даже «методологические метафоры»¹¹ когнитивной психологии были перенесены в лингвокогнитивные исследования, что способствовало существенному расширению объяснительных возможностей психологического метаязыка. Последнее утверждение относится также к понятиям фокусирования и дефокусирования.

1.2. Когнитивная лингвистика

Изначальный «психологизм» когнитивной науки, а также понимание языка как когнитивной способности, в ходе которой реализуются общие принципы и законы познавательной деятельности человека, привели к прямому переносу некоторых психологических понятий, установок и принципов описания материала на языковые единицы и выражения.

Однако постепенно многие лингвистические работы, в которых использовались психологические термины «внимание», «селективность», «фокус», «фигура», «фон» и др. применительно к языку, стали трактовать процессы распределения внимания в расширительном ключе – с учетом характера языкового материала, особенностей концептуализации референтных событий, интенций коммуникантов (см. труды Л. Тэлми, Р. Лэнекера, Д. Спербера и Д. Уилсон).

Тем не менее, даже если различие между сугубо психологическим и лингвокогнитивным видением того или иного явления или понятия кажется очевидным, большинство исследователей либо не обозначают его вовсе, либо представляют его в нечетком, имплицитном виде. Этот факт, по всей видимости, обусловлен тем, что многие когнитивные труды по-прежнему нацелены, в основном, на выявление закономерностей распределения внимания в семантике отдельных лексем и

---

¹¹ В частности, влияние визуальных психологических экспериментов на когнитивную лингвистику проявилось в использовании так называемых метафор «линзы», «наведения», «проектора» и «сканирования» при описании процессов семантического фокусирования [Langacker 1991a, b; 2000; Talmy 2001a; b].

предложений и, через это, на подтверждение действия в языке общих психологических законов концентрации сознания (фокусирования).

Когнитивная лингвистика вслед за психологией подчеркнула естественность связи между пространственной (телесной) ориентацией и языковым освоением мира (см. понятие «*embodiment*», предложенное Дж. Лакоффом и М. Джонсоном). Хотя психологические исследования во многом предполагали анализ речевых реакций испытуемых, наиболее последовательно понятия гештальтной психологии, а также новые термины, связанные с распределением внимания, стали применяться к анализу языковых фактов именно в когнитивной семантике. К таким понятиям наряду с фокусированием относятся конструирование, выделенность, фигура-фон, профиль-база, домен и матрица доменов, концептуальный диапазон и активная зона, траектор и ориентир, перспективизация, точка зрения, ментальное сканирование и некоторые другие понятия.

1.2.1. Конструирование мира

Понятие конструирования в когнитивной лингвистике в определенной мере продолжает более общие идеи конструктивизма, получившие развитие в философии. В кратком и несколько упрощенном виде эти идеи сводятся к следующему утверждению: «человек живет в мире, творимом им самим». Данный постулат получает самую разнообразную интерпретацию, о чем свидетельствуют многочисленные направления внутри самого конструктивизма (от радикального конструкционизма У. Матураны и Ф. Варелы до более мягкой версии в когнитивных науках). В когнитивной лингвистике он нашел преломление в двух базовых установках когнитологии: мы взаимодействуем с миром, опираясь на его образ в нашем сознании; данный образ мы строим (конструируем), исходя из фоновых знаний и текущих потребностей. Как отмечает Дж. Тэйлор в предисловии к книге «Язык и когнитивное конструирование мира», понятие «конструирования» смещает акцент с концептуализуемого объекта на субъекта концептуализации, предполагая «более активную роль говорящего в организации и структурировании его/ее мира» [Taylor 1995: 4].

Термин «конструирование» был введен в когнитивную лингвистику Р. Лэнкером, понимающим под конструированием отношение между говорящим (слушающим) и ситуацией, которую тот концептуализует или изображает [Langacker 1987]. По сути, речь идет о том, что в языке закрепляется, как правило, несколько способов описания

объекта/ситуации и что человек выбирает определенные языковые знаки для создания нужного ему образа. Так, например, мы можем называть один и тот же референт *созвездием*, *скоплением звезд* или *светящимися точками на небе*, и каждый раз его образ будет отличаться от предыдущего, так как в фокусе внимания будут оказываться новые свойства объекта. В первом случае референт представлен как конфигурация разных объектов; во втором – как целостность, состоящая из однородных объектов; в третьем случае подчеркивается его способность излучать свет [Langacker 1991a: 61]. Таким образом, поскольку языку в принципе свойственна вариативность номинации, то конструирование можно рассматривать как неотъемлемое свойство любого языкового выражения. Данное понятие не является, тем не менее, избыточным, так как обращает внимание лингвистов на то, какие способы конструирования регулярно применяются говорящими на том или ином языке [Verhagen 2007].

Понятие конструирования значимо для лингвокогнитологии и в более общем теоретическом плане, поскольку позволяет рассматривать язык как когнитивную деятельность, не только направленную на хранение в долговременной памяти концептов и более сложных когнитивных структур в соответствующих языковых упаковках, но и обеспечивающую творческий процесс частичной или полной активизации этих ментальных единиц и структур в ходе порождения и интерпретации языковых выражений и текстов. При этом языковые выражения, представляя собой закрепленные языковой нормой способы построения образа объекта¹², обеспечивают говорящих определенной свободой выбора при конструировании этого образа. Данный выбор может касаться различных аспектов референтной ситуации – детализации сцены, пути ментального сканирования сцены, включая начало и траекторию движения, точки обзора (*vantage point*) и выделенности различных аспектов события [Langacker 1987; Lindner 1981; Tuggy 1981]. Мы можем конструировать образ объекта или ситуации с различной степенью точности, привлекать разные фоновые знания или допущения¹³, активизировать сходную или смежную область знания¹⁴.

¹² Для Р. Лэнкера понятие конструирования синонимично понятию закрепленного в языковой форме образа объекта (*conventional imagery*) [Langacker 1991a: 61].

¹³ См. связанное с этим понятие идеализированной когнитивной модели, или ИКМ, у Дж. Лакоффа и Дж. Тэйлора.

¹⁴ См. понятия концептуальной метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и др.

Хотя выбор того или иного альтернативного средства описания ситуации субъективен и зависит во многом от говорящего индивида, конструирование мира ограничено этнокультурными и социальными факторами. Каждый язык по-своему создает образы объектов и располагает своими «любимыми» способами описания ситуаций [Taylor 1995: 6–20]. Данное положение нашло подтверждение в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях разнообразных языковых явлений – притяжательных конструкций, пространственных предлогов, предлогов, выражающих причинные связи, средств выражения и обозначения эмоций, цветообозначений, выражений с эстетической оценкой, категории лица и т. п. [Taylor 1995; Wierzbicka 1985; Traugott 1985; Smith, Medin 1981; Маляр 2000; Демьянков 2008]¹⁵. Так, в русском языке существительные *магазин* и *бутик*, обладая общей референтной базой, не являются тождественными с точки зрения конструирования объекта: первое слово ассоциируется с покупкой как таковой, а вторая лексема – с социальным престижем и его индикаторами.

Многие исследователи отмечают также и то, что говорящие могут конструировать не только образы референтов, но и компоненты коммуникативной ситуации, включая ее непосредственных участников – адресанта и адресата, а также отношения между ними. Нарисательные существительные в роли обращения, имена собственные, прозвища, вежливые просьбы, маркеры гендерной, профессиональной и иной социальной принадлежности коммуникантов – эти и многие другие языковые явления можно рассматривать как случаи прагматического конструирования.

О прагматическом конструировании пишет Р. Маклори [MacLauri 1987; 1995], отмечая, что категоризация в языке зависит от точки наблюдения или точки обзора (*vantage point*), в которую мысленно помещает себя концептуализатор. Развивая идеи Р. Маклори, М. Аояги подчеркивает, что такие категории строятся в системе социальных координат, важнейшими из которых являются власть и дистанция¹⁶. В качестве примера конструирования точки обзора по данным критериям исследователь приводит местоимения японского языка: например, местоимения первого лица *watakushi*, *watashi* и *ore* раз-

¹⁵ Ср. с принятым в отечественной лингвистике понятием картины мира, под которой понимается образ мира, как он представлен в языке определенной лингвокультуры (Б. А. Серебrenников, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев, В. И. Постовалова и др.).

¹⁶ Ср. с теорией вежливости П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987].

личаются по степени формальности. Первое слово свидетельствует о наличии дистанции между собеседниками, второе – нейтрально, третья лексема относится к неформальному общению и используется, как правило, мужчинами. «Дистанция», по мнению М. Аояги, представляет собой мобильную координату, меняющуюся в зависимости от места, контекста общения и интенций говорящего, в то время как «власть» является относительно стабильным критерием, так как связан с делением общества на социальные категории *senpai* («старшие»), *koohai* («младшие»), *dooryo* («равные по рангу», «коллеги»). Данные категории служат системой координат при поэтапном конструировании ситуации общения. Они относятся к возрастным, социальным и индивидуальным проявлениям властных отношений и обуславливают использование тех или иных языковых средств: например, суффикс *san* в сочетании с именем собственным употребляется при обращении к *senpai*, а *kun* – к *koohai* [Aoyagi 1995: 334–339].

Сходные языковые явления, обнаруженные во многих языках, свидетельствуют о том, что конструирование предполагает не только смещение фокуса с одного свойства объекта на другое, но также выделение этого объекта в разных системах координат или на фоне разных областей знаний (см. о профиле и домене в 1.2.4).

Не случайно Л. Тэлми, Р. Лэнекер, У. Крофт и Д. А. Крус, предлагая разные классификации механизмов конструирования, включают в данное явление такие «операции» или «системы», как распределение внимания (выдвижение, выделенность), перспектива, детализация (спецификация), динамика взаимодействия объектов или «динамика сил» (*force dynamics*), включенность в ситуацию (*situatedness*), сравнение и пр. [Langacker 1987: 116–137; Talmy 2001a: 40–84; Croft, Cruse 2004: 45]¹⁷. При этом когнитологи подчеркивают, что действие данных механизмов распространяется на разные домены (главным образом, пространства и времени) и зависит от них [Talmy 2001a].

В целом, понятие конструирования позволило соединить два взаимосвязанных и, надо признать, не всегда поддающихся четкому разграничению аспекта в исследовании внимания в системе языке и в дискурсе – выделенность и перспективизацию. При всем сходстве этих аспектов представляется, что первый ракурс предполагает прежде всего описание в категориях «выделенного/невыделенного», «фокусного/нефокусного» того образа референтной ситуации, кото-

¹⁷ См. краткий сравнительный обзор этих классификаций в [Verhagen 2007].

рый конвенционально закрепляется в том или ином языке. Второй аспект в большей степени ориентирует на анализ того индивидуально конструируемого образа объекта, который обусловлен не столько спецификой определенного языка, сколько интенциями конкретных говорящих в конкретной ситуации общения.

Далее рассмотрим более подробно понятие выделенности (салиентности) и связанные с нею понятия фигуры и фона, базы, профиля и домена, траектора и ориентира.

1.2.2. Выделенность

В когнитологии понятие выделенности (салиентности)¹⁸, предложенное в 70-е годы М. Силверстайном, появилось относительно недавно и пока еще не получило общепринятого определения. В лингвокогнитивных исследованиях приводятся две трактовки этого феномена (см. подробнее в [Schmid 2007: 119–120; Geeraerts 2000]).

С одной стороны, термин «когнитивная салиентность» указывает на выделенность, связанную с непосредственной активацией концептов и концептуальных структур в конкретных речевых актах и событиях. В данном случае происходит осознанный и контролируемый говорящими отбор и помещение в фокус внимания какого-либо аспекта информации о референте или коммуникативном событии (например, о говорящем, собеседнике, третьем лице). Процесс обработки информации при этом протекает в текущем сознании и обслуживается кратковременной памятью. Возможен также и опосредованный переход концепта (концептуальной структуры) в оперативную память – в результате так называемой ассоциативной активации (spreading activation), при которой одна структура знаний «вытягивает» другую, связанную с ней определенными ассоциациями (*картина – висит на стене; картина – художник* и т. д.) [Collins, Quillian 1969; Anderson 1983; Deane 1992].

При производстве речевого акта коммуниканты выбирают то или иное лексическое или синтаксическое средство, которое, по их мнению, наилучшим образом отвечает требованию салиентности, т. е. сфокусированы на тех свойствах объекта, которые наиболее значимы для говорящего и слушающего на данный момент. Замечу, что когнитивная салиентность в таком понимании фактически тождественна феномену перспективизации (см. 1.2.7).

¹⁸ В некоторых исследованиях используется также синонимическое понятие когнитивной значимости (prominence).

С другой стороны, окружающие нас объекты и мир, в целом, демонстрируют качества, которые имеют большую вероятность привлечь внимание: например, яркий цвет, резкий звук, рифма на фоне прозаического текста, текст, написанный заглавными буквами, человек, сидящий под деревом, машина, движущаяся по дороге, и т. д. (см. о противопоставлении Фигуры и Фона в 1.2.3). Подобные объекты и свойства обладают онтологической салиентностью, соотносимой с более или менее постоянными свойствами мира, знания о которых хранятся в долговременной памяти.

Поскольку онтологическая выделенность, определяемая природой объекта, находит регулярное подтверждение в языке, то некоторые когнитологи усматривают связь между онтологической выделенностью и закреплением какой-либо формы в системе языка (*entrenchment*). Так, в [Geeraerts et al. 1994] предлагается понятие ономасиологической салиентности, под которой фактически подразумевается степень «укорененности», закреплённости в языковой системе тех или иных концептов¹⁹. По сути, ономасиологическая салиентность концепта означает регулярность его именованья в текстах с помощью соответствующих лексических единиц (например, *шорты*, *бермуды* и пр.).

Кроме того, на материале некоторых видов лексем и идиоматических конструкций выявлена зависимость между салиентностью и таким важнейшим аспектом языкового существования, как *ad hoc* категоризация. Отмечается, что гибкое смещение фокуса при классификации объектов позволяет нам создавать категории в ситуационном режиме. В то же время устойчивость и общепризнанность языковых и речевых норм позволяют легко определять и даже прогнозировать фокусы внимания при интерпретации высказываний (см. исследования Л. Барсалоу, Д. Гирэртса, Х. Шмида, Ю. Касада, Р. Морено и др.).

Способность говорящих строить категории в текущем режиме свидетельствует о взаимосвязи в языке когнитивного, онтологического и ономасиологического видов салиентности. Данная взаимосвязь объясняется тем, что в речи наше внимание чаще бывает обращено на те объекты или отношения, которые выделяются нами на основе знаний о природе референта и которые чаще всего воспроизводятся в языке [Lakoff 1987; Lakoff, Johnson 1999; Schmid 2007].

---

¹⁹ В упомянутом исследовании приводится пример лексического поля одежды в голландском языке.

Об этом пишет, в частности, Р. Лэнекер, который, анализируя категорию притяжательности, отмечает, что отношения собственности, родства, части и целого являются естественными прототипами для притяжательных (поссесивных) конструкций. Данные отношения являются выделенными в онтологическом плане и, как следствие, могут стать удобной точкой отсчета при концептуализации другого, более крупного или сложного объекта в речи: *the dog's tail*, *Kennedy's assassination* [Langacker 1995a: 59].

Свойство салиентности изучается в когнитологии не только с точки зрения универсальных процессов восприятия и означивания мира, но и в межкультурном контексте. Многие когнитивные исследователи стремятся показать, что поскольку разные языки закрепляют неодинаковые способы конструирования сходных образов объектов и событий («conventional imagery», по Р. Лэнекеру), в них салиентными становятся различные аспекты референтной ситуации. Так, Ю. Касад для иллюстрации данного явления приводит следующие примеры из юто-ацтекского языка кора (Мексика) и английского языка: *ʔáitika* и *dust devil*. Обе лексемы обозначают пылевой вихрь, называемый в английском языке, как и в русском, «песчаным дьяволом». В языке кора на первый план выходят локативные характеристики (*ʔá* – префикс, означающий «посреди плоской поверхности») и внешняя форма явления (*itika* – «ступня»); в английском словосочетании выделяется предполагаемый каузатор события – мифическое существо, дух [Casad 1995: 32–34].

В целом язык, предлагая альтернативные способы конструирования объекта/ситуации, предоставляет говорящим решать, до какой степени создаваемый образ объекта будет следовать данной лингвокультурной норме, будет ли он субъективным или будет отражать природу вещи «объективно». Иными словами, мы можем делать выбор в пользу выделенности конвенциональной либо выделенности неконвенциональной, нарушающей в той или иной степени нормы языка и речи в угоду требованию момента. В своем выборе говорящий может как использовать устоявшиеся единицы и выражения (лексемы или идиомы с уже заданными онтологически салиентными свойствами), так и создавать собственные способы конструирования объекта (например, окказиональные метафоры). Заметим, что даже лексемы с устоявшейся онтологической салиентностью допускают варьирование в выделении тех или иных свойств референтной ситуации, ср.: *Город накрыло снегом* (= земля) – *Весь город собрался на площади* (= жители) – *Поедем за город* (= границы города).

Подчеркнем, однако, что, несмотря на разграничение онтологической и когнитивной (контекстуальной) выделенности, те исследования, которые используют понятие салиентности и близкое ему понятие профилирования, ориентируются в основном на анализ устоявшихся языковых единиц и выражений – лексической семантики (например, предлогов и глаголов движения), синтаксических конструкций (поссесивов, простых и сложноподчиненных предложений, пассивных конструкций и пр.), концептуальных метафор и метонимий [Talmy 2001a; 2001b; Langacker 1993; Taylor 1995; 2000; Croft 1993]. При этом основной акцент ставится на изучение общих когнитивных процессов восприятия мира и их закрепление в языковых структурах.

Салиентность как проявление способности нашего сознания и, соответственно, языка выделять разные аспекты конструируемой ситуации является свойством, по которому противопоставляются выделенные и невыделенные (или менее выделенные) концептуальные элементы в семантике языковых единиц и выражений. Изначально данное соотношение было представлено в когнитивных работах как бинарные терминологические оппозиции, многие из которых были заимствованиями из психологических исследований. К таким терминологическим парам относятся: Фигура vs. Фон (Л. Тэлми, Р. Лэнекер), Фокус vs. Пресуппозиция (Р. Джэкендофф), Профиль vs. База, Траектор vs. Ориентир, ближайший vs. максимальный концептуальный диапазон (*immediate and maximal scope* у Р. Лэнекера).

Замечу, что когнитивная лингвистика предложила ряд других понятий, связанных с явлением «затемнения» или задвижения на задний план (*backgrounding*), – фреймы, скрипты, сценарии, домены, ИКМ (идеализированные когнитивные модели). Все они рассматриваются как структуры знаний, служащие фоном, на котором выделяется концептуальное содержание языковых единиц (см. труды Ч. Филлмора, Дж. Тэйлора, Дж. Лакоффа, Р. Лэнекера и др.). В данной работе мы не будем останавливаться на этих терминах отдельно и сосредоточимся, главным образом, на парных понятиях Фигуры и Фона, Профиля и Базы, Траектора и Ориентира и некоторых других, так как, с одной стороны, именно они позволяют с наибольшей очевидностью показать взаимосвязь механизмов фокусирования и дефокусирования. С другой стороны, поскольку мы рассматриваем дефокусирование как движение от одной «крайности» к другой – от фокуса к «не-фокусу» или, по крайней мере, к ослаблению фокуса, то представляется важным раскрыть подробнее способы описания данного контраста

(тем более что в когнитивных исследованиях перечисленные выше терминологические пары нередко употребляются как взаимозаменяемые и различия между ними не всегда ясны).

1.2.3. Фигура и фон

Понятия фигуры и фона принадлежат, пожалуй, к наиболее значимым для когнитивных описаний, так как в них наиболее явно отражается одна из центральных идей когнитивной лингвистики: язык представляет собой одну из сторон познавательных процессов, и, следовательно, принципы построения и функционирования языковых единиц и выражений обязательно имеют аналог в других нелингвистических проявлениях познания – в том числе в зрительной перцепции и ориентации в пространстве.

О значимости противопоставления фигуры и фона свидетельствует также тот факт, что именно оно находится в основе других, упомянутых выше, терминологических оппозиций, применяемых при анализе семантики различных языковых явлений. Фигуру и фон можно назвать наиболее «психологическими» лингвистическими терминами, так как они были перенесены в когнитивную лингвистику непосредственно из гештальтпсихологии, в основе которой лежит, как известно, идея о целостности и несуммативности восприятия объектов.

Считается, что первым понятие гештальта применил австрийский психолог Х. М. Ю. фон Эренфельс в конце XIX века, который заметил, что, как бы ни отличалось исполнение той или иной мелодии, мы всегда можем идентифицировать ее и отличить от других. В этом проявляется способность человеческой психики организовывать опыт в целостные в функциональном отношении структуры, образы, формы. Эти идеи развили в своих исследованиях немецкие психологи М. Вертгеймер, К. Дункер, В. Кёлер, К. Коффка и др., которые применили понятие гештальтности не только к перцепции, но и к моторике и сложным концептуальным сущностям [Вертегеймер 1987; Дункер 1965; Коффка 1935; Кёлер 1947]. При этом отмечалось, что гештальты не образуются в результате простого суммирования признаков объекта, а воспринимаются как фигуры на фоне. Фигура рассматривается изначально как сущность более значимая, так как именно она выделяется нашим сознанием из окружения. Ее отделимость от фона и наличие четких границ составляют свойства «хорошего» гештальта [Кёлер 1947]. Фигура оказывается связанной и с другими признаками гештальтности, такими как тенденция восприниматься в виде

простой формы, замкнутость, отчетливость границ, симметричность (см. предложенное В. Кёлером понятие «прегнантности» (Prägnanz) гештальта). Кроме того, по характеру фигуры, находящейся в фокусе внимания, можно восстановить фон.

Вместе с тем следует подчеркнуть неоднозначность взаимоотношений фигуры и фона как внутри гештальтно воспринимаемого объекта, так и за его пределами. Так, например, в Грасской школе, вопреки устоявшемуся мнению о приоритете целостной структуры над ее компонентами, отмечается, что отдельные элементы гештальта могут в какой-то момент перцепции попадать в фокус внимания и восприниматься индивидуально, т. е. фактически становиться фигурой внутри прежнего гештальта (см. описание эксперимента с шахматной доской Каниша в [Bechtel et al. 1998: 274]).

Другое явление, значимое для изучения дефокусирования, носит название «обратимость фигуры и фона» (Figure/Ground reversal)²⁰. Этот феномен, как показывают психологические исследования, возможен при длительном восприятии и изначальной равнозначности, т. е. соразмерности и одинаковой выделенности двух «зон» визуальной сцены (вспомним хорошо известный рисунок с вазой и двумя людьми, смотрящими друг на друга в профиль).

Данная способность – еще одно подтверждение тому, что при восприятии объектов распределение внимания может протекать как неосознанно, так и целенаправленно. Это утверждение применимо также к вербальной деятельности человека – с той разницей, что в роли стимула между объектами и их мысленными образами служат языковые единицы и выражения; они же выступают в роли инструмента, направляющего создание этих образов.

В когнитивную лингвистику понятия фигуры и фона ввел Л. Тэлми [Talmy 1978], и в новом контексте данные термины получили дальнейшее развитие. Прежде всего, был сделан переход от перцептивного уровня восприятия к уровню концептуальному и языковому. У Л. Тэлми, различающего перцепцию и концепцию в общем процессе восприятия и осмысления мира (септион, в его терминологии), это принципиальное отличие в понимании фигуры и фона в когнитивной семантике подчеркивается через их написание с заглавных букв.

В когнитологии выдвигается фундаментальный постулат о том, что языковые структуры кодируют и направляют распределение внимания между фигурой и фоном. Понятия фигуры и фона изучаются примени-

²⁰ См.: [Rubin 1914] – цит. по [Sinha 2007: 1279].

тельно к синтаксическим явлениям и во многом связаны с более традиционным тема-рематическим описанием предложения, предложенным В. Матезиусом (см. также главу 3). В отличие от Г. фон дер Габеленца, Т. Липпса, Дж. Стоута и В. Вундта, к чьим идеям восходят синтаксические рассуждения В. Матезиуса, когнитологи не противопоставляют формальное и коммуникативное членение предложения и не участвуют в известных лингвофилософских дебатах о разграничении логических и психологических субъектов и предикатов [Seuren 1998: 125–129]. Однако влияние трудов В. Вундта и гештальтпсихологов на предлагаемое в когнитивной семантике и грамматике деление структуры предложения на фигуру и фон очевидно. Так, в работах В. Вундта говорится о выдвигании (*foregrounding*) как об универсальном способе организации информации в речи, а также предлагается понятие доминирующих представлений (*dominierende Vorstellung*), которое может быть рассмотрено как предвестник терминологических оппозиций темы и ремы, топика и фокуса/коммента и, в конечном итоге, фигуры и фона. Эта преемственность особенно заметна в когнитивной теории риторических структур У. Манна и С. Томпсон, где данные явления рассматриваются как способ смыслового построения целых фрагментов текста [Mann, Thompson 1988].

Заслуга когнитологов, как мне представляется, состоит в том, что на множестве конкретных языковых примеров они показали, что язык в целом следует естественному делению воспринимаемой сцены на фигуру и фон (*The bird is on the treetop vs. ?The treetop is under the bird*)²¹.

Хотя исследователи признают, что выделение объектов носит субъективный характер и зависит от того, как говорящие воспринимают объекты и события и как их конструируют (ср.: *The sugar is in the red jar vs. The red jar contains sugar*), они также отмечают, что те объекты, которые обладают онтологической салиентностью (см. 1.2.2), как правило, становятся в предложении фигурой. Иными словами, деление «фигура – фон» в значительной степени определяется объективными свойствами воспринимаемой ситуации.

Л. Тэлми противопоставляет сущности, имеющие большую вероятность выступить в роли фигуры или фона, по нескольким признакам [Talmy 1983: 230–231; 2001a: 315–316]. Фигура обладает боль-

²¹ В [Radden, Dirven 2007: 28] отмечается, что первое предложение соответствует естественному членению сцены на фигуру и фон, а второе – противоречит ему и возможно лишь в том случае, если огромная птица несет в когтях молодое деревце.

шей подвижностью, меньшим размером, более простой формой; ее восприятие изначально требует больших когнитивных усилий, и она характеризуется большей степенью зависимости от окружения. Однако, будучи воспринятой, она приобретает большую выделенность по сравнению с фоном. Кроме того, фигура – это объект, попавший в поле зрения концептуализатора на более позднем этапе восприятия сцены и оцениваемый им как более релевантный. Фон, напротив, менее подвижен; он больше по размеру и сложнее в структурном отношении, хотя в силу своей диффузности может представляться как относительно гомогенная сущность. Он воспринимается с меньшими когнитивными затратами, независим от фигуры, но при этом остается на заднем плане. Фон известен говорящему и рассматривается им как менее значимый (табл. 1):

ТАБЛИЦА 1

Свойства фигуры и фона, как они представлены в когнитивных исследованиях [Wallace 1982; Reinhart 1984; Warvik 2004: 105]

ФИГУРА	ФОН
подобна вещи, однородная, отдельная	бесформенный, диффузный
определенная, четко организованная	менее определен, неструктурирован, свободно организован
замкнутая, окружена границами	открытый, без границ
малый размер	крупный
рядом	далеко
наверху, впереди	внизу, позади
расположена на/над/перед фоном	образует непрерывное пространство под фигурой или позади нее
привлекает большее внимание	привлекает меньшее внимание
симметрична	асимметричен
«значима», знакома	«незначим», незнаком

Фигура и фон закрепляются за теми или иными языковыми единицами и имеют определенный порядок следования в предложении. Так, на материале английского языка установлено, что в простом предложении фигура кодируется субъектом действия, выраженным подлежащим, а фон – объектом действия (дополнением) [Langacker 1991a, b; Ungerer, Schmid 1996]. Сходным образом могут быть рассмотрены падежные или семантические роли агенса и пациенса [Fillmore 1977].

Асимметрией фигуры и фона объясняется отсутствие тождества между семантически близкими конструкциями с так называемыми симметричными предикатами (*resemble, to be similar*): *China resembles/is similar to Vietnam – Vietnam resembles/is similar to China*. Различие между данными предложениями состоит в выборе разных объектов, которые служат образцом (фоном), относительно которого характеризуется объект (фигура) [Gleitman et al. 1996; Jackendoff 2002].

Связь между структурой предложения и его концептуальным содержанием исследуется также в связи с понятием концептуального ядра предложения, организованного по принципу выделенности и включающего в себя следующие концептуальные сущности: фигуру, фон и связывающее их отношение (ср. с понятием пропозиции). Г. Радден и Р. Дирвен пишут, что порядок следования фигуры и фона обусловлен характером концептуального отношения и что некоторые типы отношений требуют присутствия в структуре предложения обеих сущностей, например: *Jane is fond of Reggae music. The goldfish is in the pond. Joe invited Jane because he likes her*. В данных предложениях обязательна вербализация как фигуры (*Jane, the goldfish, Joe invited Jane*), так и фона (*Reggae music, the pond, he likes her*)²² [Radden, Dirven 2007: 43; Mann, Thompson 1988; Dik 1989].

В определенных ситуациях прямое указание на фон может отсутствовать, как в случае с некоторыми переходными глаголами (*nutь, to bite* и др.) в конструкциях без прямого дополнения. Если мы рассмотрим предложения *X ньет сок* и *X ньет, His dog bit the neighbour* и *His dog bites*, то обнаружим, что в непереходных конструкциях концептуальный фон присутствует имплицитно и помещает событие в иной, по сравнению с первой фразой, контекст (или, по Р. Лэнекеру, домен). В предложении *X ньет* содержится косвенное указание на алкоголь и, соответственно, на домен «вредные привычки». В предложении *His dog bites* фигура и концептуальное отношение, выраженное предикатом *bites*, выделяются на имплицированном фоне

²² Ср. с **Jane is fond of, *the goldfish is in, *Joe invited Jane because*.